

УДК. 811.161.2'27 + 811.161.1'27

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ ОДЕССЫ КАК ФЕНОМЕН ГОРОДСКОЙ РЕЧИ (с культурологическими комментариями)

Александр Викторович Савченко

к. филол. н., ассистент-профессор факультета славянских языков и литератур
Государственный политический университет (Чжэнчжи)

Тайвань, 116, г. Тайбэй, ул. Чжинань, 64, 2, Вэньшань, savchenko75@mail.ru

Михаил Сергеевич Хмелевский

к. филол. н., доцент кафедры славянской филологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, chmelevskij@mail.ru

Язык Одессы представляет собой уникальный как с чисто лингвистической, так и историко-культурологической точек зрения феномен восточнославянского мира, являющийся достаточно интересным объектом филологического исследования. Так называемый «одесский язык» исторически складывался на протяжении нескольких веков и выкристаллизовался вследствие тесного взаимодействия различных этнических групп, проживавших в одной агломерации, их культур и языковой самобытности, сформировавших в результате своеобразие культуры Одессы, специфическую атмосферу города и особое городское койне миллионного населения этого украинского мегаполиса, который также является неотъемлемой частью современной русской культуры.

Ключевые слова: русский язык; украинский язык; городской интердиалект; городская речь; одесское просторечие; русско-украинское двуязычие; межъязыковая интерференция; языковая конвергенция.

Введение. Постановка проблемы

Язык миллионного города на юге Украины – Одессы – «Южной Пальмиры» (как метафорически ее часто называют в России), история его становления как многонационального и поликультурного мегаполиса представляет собой весьма ценный материал для лингвистического исследования и описания.

Во многом благодаря тому, что так называемые «одесский язык» и «одесская аура», а также особое мировосприятие и самобытность коренных одесситов глубоко проникли в современную русскую культуру, мы уже не представляем русского юмора без стереотипно ассоциируемых с «одесским языком» выражений, типа: *тут вам не там; две большие разницы; когда ты имеешь припереться – завтра или вчера?; продолжи говорить дальше; скорее нет, чем да; я с тобой больше не буду ходить по одной Одессе; не делай(те) мне нервы* и т. д.¹

Русские народные говоры Одесчины – уникальный лингвистический и лингвокультурологический материал. Эта территория, по словам В.М. Мокиенко, со времен Екатерины II была и

остается «плавильным котлом» разных культур и языков: русского, украинского, болгарского, молдавского, гагаузского, румынского, немецкого и идиша. Все они сохраняют свою системную диалектную доминанту, унаследованную в основном переселенцами из Курской и Орловской областей [Мокиенко 2020: 355]. В данной статье, однако, мы рассмотрим лишь городской язык Одессы, который выразительно отличается от разнообразных и многочисленных говоров самой большой на Украине области – Одесской, которая простирается вплоть до впадения Дуная в Черное море.

Стереотипное представление русских о языке Одессы с его специфическими интонациями, лексикой и выражениями (типичными для Одессы «словечками» и оборотами речи), характерным, легко узнаваемым говорком уже давно стало маркированным [Хмелевский 2017: 102]. Все они отсылают наше российское общекультурное ассоциативное восприятие к «Жемчужине у моря», как образно назвал этот город в своей песне М. Табачников – композитор, одессит по происхождению. Специфический русский язык укра-

инской Одессы, как миф или стереотип, уже давно стал частью русского духовного наследия и культурного богатства [Ижакевич 1985, 85].

Городское койне мегаполиса складывалось на протяжении нескольких веков с момента его основания в 1794 г., а также в результате сосуществования различных этнических, а следовательно, и языковых групп, населявших Одессу: русские, украинцы, евреи, румыны, болгары, греки и др. Изменявшийся с течением времени в процентном соотношении национальный состав создал особую, неповторимую в своем роде атмосферу с характерным, весьма колоритным и образным языком, который отразился в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова, И. Бабея, В. Катаева, Ю. Олещи, А. Куприна и др., ставших важной частью русской литературы [Степанов 2000: 141]. Черты этого языка можно найти в песнях Л. Утесова или М. Бернеса, комических монологах М. Жванецкого, современном, как элитарном, так и «массовом» кинематографе (в частности, фильмах известного одесского режиссера К. Муратовой) и т. п. Одесса – один из первых городов Европы, в котором развились городской мультикультурализм и многоязычие нового и новейшего времени (в отличие от целого ряда городов Европы и мира в целом, где подобный мультикультурализм складывался веками, например, Прага, Сараево, Стамбул, Гранада и др.). В течение двух столетий этот город представлял и в настоящее время представляет собой самый масштабный на территории Украины случай смешения, взаимопроникновения, конвергенции языков и культур на принципах сохранения общей лингвокультурной специфики представителей разных этнических групп одновременно с образованием и функционированием особого городского койне, ориентированного в своих основных грамматических чертах на систему русского языка [Хмелевский 2017: 3].

Анализ черт языка Одессы

Язык Одессы (в его стереотипном русском языковом сознании) на сегодняшний день является неотъемлемой составляющей современной русской культуры, что не может не вызывать интерес лингвистов, занимающихся вариативностью и спецификой функционирования русского языка как городского койне внутри одного отдельно взятого полиэтнического и поликультурного пространства в рамках «островной», или региональной, формы его реализации [там же: 101].

Одесскому городскому интердиалекту, который складывался в результате полиязыковой интерференции, русско-украинского билингвизма, под значительным влиянием в разные периоды

идиша и румынского языка, посвящено немало работ по лингвистике и культурологии (см., например: [Степанов 2003: 4; Смирнов 2003]). Поэтому здесь представим лишь небольшой ряд положений, которые могли бы продемонстрировать современный срез языковой ситуации – полифонии современной Одессы – на основе осуществленных нами на практике полевых исследований, поскольку в лингвистике вплоть до настоящего времени нет комплексного исследования особенностей реализации русской языковой системы в полилингвокультурном пространстве одного города [Степанов 2004: 15]. И именно языковая специфика Одессы предоставляет по истине уникальный материал для такого исследования наряду с городскими диалектами, например, Киева, Полтавы, Львова или Харькова, где имеет место большой приток сельского населения; горожане – выходцы из данного социального слоя переходят в силу своих возможностей (языковой компетенции) на русский язык, чтобы приобрести в обществе статус городского жителя (в указанных городах, кроме Львова, языковая ситуация которого специфична, как и в большинстве крупных городов Украины, русский язык по-прежнему стереотипно считается более престижным языковым кодом общения).

Языковые примеры (которые приведены ниже в орфографии, максимально приближенной к реальной речевой фонетической оформленности) собирались нами на протяжении нескольких лет в рамках полевых исследований, и это дает нам право с высокой степенью объективности говорить о характере городской речи одесситов. Основные ее параметры и характеристики в общих чертах можно представить следующим образом.

1. Для русского сознания характерна стереотипность представлений об одесском языке. Самобытная южнорусская интонация, столь часто пародируемая в российской массовой культуре, может быть названа, по результатам наших наблюдений, почти полным анахронизмом. Язык современной Одессы – это, в основном, русский язык: от чисто литературного до близкого по характеру к южнорусским диалектам (включая основные фонетические черты – интонирование, произношение), в особенности в устной речи молодого поколения, за исключением незначительной в процентном отношении части его представителей, осознанно использующих украинский язык с целью позиционирования своих политических взглядов [Мечковская 2006: 269].

2. Говоря на литературном украинском языке, зачастую можно оказаться не до конца понятным, поскольку среднестатистический одессит владеет им весьма пассивно, и форма переспроса в подобной ситуации частотна и ожидаема: *Вибачте, де тут книгарня? – Шо-шо?! Книжний*

магазин шо ли?; либо принципиальное непереключение с одного языка на другой в рамках билингвизма: *Скажіть, будь ласка, як нам вийти до Оперного театру? – Ідьте прямо, потім наліво, а там увидите; Шо такое матузок? Он меня просит за какой-то матузок, откуда я знаю, шо це верьовка?* Менее половины наших информантов, отвечая на фразу по-украински, переходили на украинский, однако нельзя не отметить, что это переключение проходило с трудом и далеко не всегда (как правило, из-за невладения в достаточной мере украинским литературным языком). В целом это свидетельствует о том, что Одесса была и остается по большей части русскоязычной. Более того, подчеркнем, что украиноязычные украинцы из западных регионов страны, приезжая в Одессу, обычно переходят на русский язык с целью быть понятыми [Ижакевич 1985: 31];

3. Фонетические особенности регионального городского койне можно разделить на два принципиально различных уровня: а) русский язык, который в незначительной степени отличается от литературного и которым пользуется в основном поколение в возрасте до 40 лет; б) характерные черты одесской речи, среди которых следует выделить такие, как артикуляционное сближение [ы] и [и]; отверждение [р] под влиянием украинской фонетики; восходящую дифтонгоидность ударных гласных; отверждение долгого мягкого [ш'] вплоть до распада аффрикаты на сочетание звуков [шч] и отверждение звука [ч] – *шчолочка, шчука*; отсутствие редукции безударных гласных [о], [э]; фрикативное [г] и соответствующее его оглушение в слабой позиции до [γ]; спорадическое возникновение протетического [х] перед [ф] с его озвончением: *хвонтан, хвильм, хвормы* и т.п. под влиянием центральных поднепровских говоров и др.

4. Местоименные формы, которые спорадически встречаются в основном у старшего поколения одесситов – *шо, щё, шчо*; употребление указательных местоимений в функции определенного артикля, зачастую в сочетании с притяжательными местоимениями: *Продемонструй мне вже тот свой новый телефон!; Она ту твою куртку носит не будет; Где те мои тапки?; Об чем думала та твоя голова, когда ты шел купаться?!* и т. п.

5. Суржик, так называемая смесь русского и украинского языков, слышен в основном от приезжих из Одесской, Николаевской или Херсонской областей, которые не владеют ни одним из двух языков в достаточной степени и в социальной дихотомии «город – село» маркируются как приезжие, сельские жители. В их речи мы отме-

чаем наличие лексических и синтаксических черт, которые пришли из украинского языка или из русско-украинского одесского варианта смешения двух языков, что не является нормативным ни в том, ни в другом языках: *Галя, подожди, мне надо еще купить синего лифчика!* (рынок «Привоз»); *Шо ты падаеш? Смотри про ноги!; У ней брожка на грудках дуже великолена; Я не помітила* (вм. *помітила*); *Такіе сложні вопросы* (вм. *важкі питання*); *Мене зовуть Михайло. – Це твої проблеми, шо тебе так зовуть; А ну вылазь з воды, щоб тебе перекошило!* (мать обращается к ребенку); *...аж в роті* (т. е. во рту) *ихрумстит*. Значительный отпечаток на современный городской диалект Одессы наложил украинский язык (точнее – говоры приезжих из сельских местностей Одесской области), которым по большей своей части среднестатистический одессит в его литературной, классической форме не владеет, а если и владеет, то пассивно и не пользуется им в бытовом общении, вследствие чего на улицах города мы слышим довольно расшатанную норму русского языка, и именно этот «нестандартный» вариант вызывает улыбку у русского, однако при этом одесситом он воспринимается как обычный способ повседневного общения: *давай возьмем драндулета* (о такси); *шо у вас тут цікавого произошло* («что интересного»); *Чому ты один, як броненосец Потемкин?* (языковой прецедентный феномен из русской культуры для создания комического эффекта); *Мужчина, та положите вже ту книжку, если не будете купляти, бо тут жлобы ходять; она такая гарная, как айсберг в окияне* (в составе сравнения использована прецедентная фраза из популярной песни в исполнении А. Пугачевой) и т. п.

б. В продолжение к предыдущему пункту следует отметить саму форму изъяснения и общения, а именно – создание комического эффекта, каламбура в речи как своеобразной манеры коммуникации: *Даром за амбаром, а у нас сим-карты торгуються по приличной цене; Вы, мужчина, с Плутона или местный?* (о непонимании); *Я вам шутку делаю, а вы тут в позе аиста встали!; Вы тут сидите и меряйте, а я за сусідкой присмотрю, бо её вот-вот разворуют* (Привоз); *Шикарные рыбы – берите, оближитесь!* (Привоз); *Це не маршрутка, а душегубка на одному колёсе; Нет, чтобы да – так ведь нет!; З тебя за всё про всё тридцать три гривні – тридцать три – возраст Христа!* (каламбур для создания комического эффекта); *Споласкивайте после себя, свиньи!* (надпись в душевой кабине) [Кузнецова, Савченко, Хмелевский 2018: 96].

7. Русское просторечие, возведенное до уровня обычного (для одессита – стилистически-

нейтрального) бытового общения, в том числе и между незнакомыми участниками диалога: *Я стою под дождем как левый чиж; Давно бы мог отдыхать в шэзлонге, а он у политику лезет; Ходи сюда!; Ложите на стол всё, шо понаносили!; Ляж уже спать, ночь на дворе!; Покушала себе та буду теперь ноги протягать на диване.*

8. Соединение высокого и просторечного стиля русского языка вследствие невладения стилистическими тонкостями [Степанов 2015: 101] с включением в речь украинских лексических элементов для создания эмоционально-экспрессивного эффекта: *Я тут порнаюсь* ('вожусь') *на даче с семи утра; Где там наш Ваня забурылся?; Мы сегодня весь день по Одессе гасали за той маечкой; А я себе коньячка налила и растворилась на пару хвилинок; Схаменіться уже з просмотром тех ваших фильмов, дела надо делать, а не ерундой займаться* ('остановиться'); *Морозиво только на набережной, а у меня одни сосиски в тесте и лискунички* ('соленые палочки, чипсы');

9. Высокая продуктивность диминутивных форм, не свойственных русскому литературному языку: *Пивко домашненькое, берите занедорога!; У него вже лысенка на лбу; Боричыка не хочете с салыцом и огурчыка?; коечка за подешевле; арбузика не желаете?; вам перчиночку до сунчика положить?; рукав коротюсенький такой; покажите вон те очёчки; мадамочка дуже гарненькая – шчёчки пудронькой подкрасила, губки помадкой и отреставрировалася; икорочку черненькую или красненькую куплять будете – у меня местный разливчик!; Мушчына, понюхайте одеколончик – это ж христиандиорчик, только вчера с Херсона привезли, а для вашей дамочки у меня шанелька есть и т.п.*

10. Вставки-штампы из русской культуры (в т. ч. массовой), которые зачастую употребляются в искаженном, функционально стертом значении, с целью придания высказыванию усиленной эмоционально-экспрессивной окраски либо оценки: *Торговля сегодня шо-то не идет – сижу вже три часа як та золотая рыбка у разбитого корыта; У меня того лука – как миллион алых роз!; Жэничына, не загораживайте мне покупателя! А то встала тут как айсберг в окяне!*

11. Украинский и еврейский микрокомпонент, ограниченный городским дискурсом, встречается в настоящее время по большей части в разговорной речи старшего поколения жителей Одессы, например: *Это вы на меня кидаете намек?* (укр. *кидати натяк*); *Я другим разоим* (укр. *інішим разом*) *зайду; Уморилася за весь день – пойду телевизор дивиться* ('смотреть'); *Тетя Соня скоренько имеет припереться* (калька из идиша); *Мушчына в 50 лет – це почти еще мальчик* (А. Львов); *Делать гешефт* (из идиша); *И шо ты*

имеешь сказать? (калька из идиша) [Смирнов 2003]; *Не рассказывай мне майсы!* (из идиша; фраза обыгрывается в одной из «одесских песен» А. Розенбаума).

Сегодня язык Одессы в его стереотипном восприятии русскими представляет собой предмет для шуток, юмора или ерничества, обыгрывания и подражания (имитации) и в целом мыслится как нечто неотделимое от общего современного российского культурологического мировосприятия, русской истории и культуры в целом.

Культурологические комментарии

Говоря о мировосприятии одессита, вспомним в качестве примера строки из прецедентной для русского сознания одесской песни Н. Богословского и В. Агатова: *Шаланды полные кефали в Одессу Костя приводил, И все биндюжники вставали, когда в пивную он входил...* Насколько глубоко этот одесский образ, созданный поэтом В. Агатовым, понимается русскими? Ведь в тексте буквально за каждым словом кроется дух и атмосфера старой Одессы: *шаланда* 'рыболовецкая лодка без мотора, плоскодонка', *кефаль* 'вид мелководной промысловой рыбы' (именно черноморская кефаль считается самой известной в России разновидностью). Возникает вопрос: насколько узнаваемы для одессита и не узнаваемы для русского (или даже жителя других регионов Украины) эти символы. Образ *шаланды*, несмотря на известность и популярность этой песни в классическом исполнении М. Бернеса, не только у русского, но и у украинца из Центрального Поднепровья, а также Восточной и Западной Украины не вызывает того ассоциативного ряда, который моментально возникнет в сознании одессита. За ним кроется целая традиция и самобытная реальность причерноморского города (и не только Одессы, но и Николаева, Херсона, Очакова, Измаила и др.) – в провинциальных городках Одесской области этот образ означает вставать рано утром, до восхода солнца, садиться в *шаланду* и отправляться на ловлю *кефали*, чтобы к открытию центрального одесского рынка – Привоза – приехать в город и сдать улов местным торговкам. Это, можно сказать, традиционный уклад жизни не только одессита, но и всей Южной Украины.

Русские знают эту песню почти наизусть и воспринимают ее как неотделимую часть своей культуры, однако встает еще один вопрос: насколько глубоко чувствуется русским сознанием одесский символ *биндюжник* (или украинский вариант *бендюжник*), а также насколько вообще понятно русскому, что значит это слово, т. е. кто это такой? Словари дают нам следую-

щее значение – ‘ломовой извозчик в южнорусских портовых городах’, тогда как для одессита автоматически выстраивается несколько иной ассоциативный ряд. Слово *биндюжник* происходит от имени существительного *бендюга* – род простой грузовой повозки [Мечковская 2006: 166] или телеги [Ижакевич 1985: 63]. Прилагательное *биндюжный* (или *бендюжный*) может употребляться и в переносном значении: ‘скверный, нечестный’, а также, например, в устойчивом сравнении: *вона ходить як бендюжна* ‘как бесчестная, распутная женщина, развратница, проститутка’ [Кузнецова, Савченко, Хмелевский 2018: 49]. Таким образом, помимо своего прямого значения ‘грузчик’, который при этом, как правило, большую часть времени просиживает в *пивной*, метафорически это наименование просто грубого, необразованного человека, ср. примеры: *Федя Трапочка был последним из биндюжников Одессы... и вместе с ним эта профессия умерла; Я вас умоляю, какой это профессор? Биндюжник и то лучше матюкается!* [Смирнов 2008: 26]. И тут уже сразу меняется смысл и само понимание текста этой песни – вставляли не просто грузчики, а – в стереотипном сознании одесситов – отбросы общества, босяки, пропойцы, те, кто некогда занимались своим делом. Или же это были просто отработавшие смену портовые грузчики или те, кто занимается ловлей рыбы, а после сдачи улова отдыхает в кабаках.

Проанализируем смысл этого, ставшего особо значимым для русской культуры, текста, в глубь которого мы, носители русского сознания, не можем проникнуть без знания южноукраинских реалий, образа жизни и мысли. Почему *все биндюжники вставляли, когда в пивную он входил?* Это очень подчеркнутое, интенсифицированное проявление уважения, поскольку *биндюжник* – здесь это не простой носильщик, грузчик, а хозяин ломовых извозчиков, и более того – при железнодорожной станции, что дополнительно подчеркивает значимость этой «должности», род профессионального занятия [Мечковская 2006: 166], а также – вследствие специфики работы и тяжелых ее условий – это, как правило, обладающий большой физической силой человек, конфликт с которым в прямом смысле опасен для жизни, что также способствовало уважительному отношению к представителям данной социальной категории, несмотря на отмеченный выше образ биндюжника не только как сильного, но и грубого человека – мужлана, «деревенщины».

Обратимся теперь к тому, какой именно образ скрыт за персонажем *Костя*. Смысл образа этого литературного героя заключается в том, что он –

провинциал, барыга (т. е. мелкий торговец), он не одессит, у него нет *бендюги*, а есть только *шаланда*, на которой он ловит *кефаль*, сдает ее торговкам на Привозе и на вырученные деньги угощает одесситов – матерых биндюжников. Символический смысл данного образа заключается в иллюстрации оппозиции «свой – чужой»: одессит никогда не признает «своим» выходца из области или другого региона Украины – это внутригородское сознание, в котором вплоть до настоящего времени отпечатались следы прошлого. Метафора того, что *все биндюжники*, т. е. коренные одесситы, *вставляли* подчеркивает тот факт, что они принимали его, по сути «чужака», т. е. провинциала, за одессита, т. е. «за своего». Этим выражается особо уважительное отношение к *Косте*, но такое глубокий и яркий художественный смысл, заложенный в содержание текста, плохо считывается носителем русского менталитета, а также и жителем украинских городов, например Киева, Чернигова, Харькова или Львова.

Строка *Но и Молдаванка и Пересыпь: обожают Костю моряка* (причем слово *Пересыпь* произносится с одесским выговором через [э]) – под влиянием украинской фонетики, где *e* соответствует русскому звуку [э] и не смягчает предыдущий согласный) несет особый смысл, вызывающий ряд ассоциаций для одессита, а именно – вся Одесса, даже удаленные от центра города закоулки и трущобы. *День и ночь гуляла вся Пересыпь на веселой свадьбе моряка* – топонимом подчеркивается босячество биндюжников, которые праздновали свадьбу не в центре города, а в отдаленном припортовом районе.

Образ *рыбачки Сони*, которая *как-то в мае, причалив к берегу баркас*, *Сказала Косте: «Все вас знают, А я так вижу в первый раз»*, также требует отдельного культурологического комментария. Характер персонажа *рыбачки Сони* подчеркивается среди прочего и тем, что в реальной жизни управлять баркасом может только физически сильный человек, а не женщина, и в таком случае вырисовывается внешний облик одесситки – персонажа текста песни, которая управляет баркасом: это решительная, смелая, под стать мужчине женщина. В строке *Наш Костя, кажется, влюбился* обнаруживается еще один важный содержательный культурологический аспект. Баркас в Причерноморье тянет за собой *шаланды, полные кефали*, настолько полные, что необходим буксир (поэтому примечательно, что в тексте употреблен глагол *приводил*, а не *привозил*). И именно поэтому образ *Кости, влюбленного в Соню*, передает нам не только картину романтики, но и в одной строчке иллюстрирует особый одесский колорит: *Соня* – не просто девушка, а волевая, сильная, ведущая за

собой, способная сама «взять на буксир» даже такого «авторитетного», сильного и самостоятельно, как *Костя*.

Примечательно также, что в Поднепровской Украине, а также некоторых других регионах, в частности на Полтавщине, *Сонями* называли проститутток, которые работали с моряками, рыбаками или «биндюжниками» – грузчиками. Стереотипный образ такой «Сони» тоже был хорошо узнаваем: это полная, физически сильная женщина, а ее «спутник» – хилый, слабый, как правило всегда подвыпивший мужчина, поэтому Соня брала весла в свои руки и гребла к берегу, «управляла» лодкой. Вот почему *Костя* не просто влюбился, а именно – «*кажется* влюбился» (выделено нами). В проститутку, «шалаву», нельзя влюбиться – в нее можно только «*кажется*» влюбиться.

Носитель русского менталитета едва может прочувствовать всю глубину значения метафоры со всем возникающим в сознании одессита ассоциативным рядом в следующих строках *Синеет море за бульваром, Каштан над городом цветет*, поскольку, во-первых, мы не глубоко осознаем эту родную для одесситов пейзажную реалию, а во-вторых, если даже мы и побывали в Одессе, то для нас это, скорее, экзотизм, а не привычная данность или обыденная реальность, как для коренного одессита, который в ней вырос. Образ *каштана* в русском сознании ощущается во многом иначе в силу иного восприятия окружающей природы, хотя он вполне узнаваем и также считается близким.

Выводы

Подводя итоги нашего исследования, подчеркнем, что язык Одессы на сегодняшний день продолжает оставаться составной частью русской культуры, при этом считать его «чисто русским» тоже представляется неверным, что подтверждает исследователь одесского койне В. Смирнов: «В Одессе говорят не по-русски, не по-украински и даже не по-еврейски, а на особом одесском языке, понятном ныне лишь части коренного населения преклонного возраста» [Степанов 2000, 211]. Феномен Одессы, – заключает он, – как раз и состоял в том, что и город, и его язык создавался людьми разных национальностей [Там же]. По нашим наблюдениям за современной языковой ситуацией в рамках отдельно взятого города, узнаваемый и столь широко цитируемый в русской культуре самобытный говор Одессы сегодня уже не является «визитной карточкой» современной украинской агломерации [Мечковская 2006, 270]. В рамках русско-украинского билингвизма отмечается языковой сдвиг в сторону русского литературного языка у

молодого поколения одесситов, тогда как носителями «одесского диалекта» остаются жители города старшего возраста, а украинского языка (включая суржик) – преимущественно выходцы из сельской местности соседних областей, что в языковом плане маркирует их происхождение и социальный статус в оппозиции «коренной житель мегаполиса – село».

Таким образом, так называемый «одесский язык», претерпевая значительные изменения (в частности, все более утрачивая свои классические, стереотипные черты), сохраняет свою самобытность, которая при этом достигается в основном за счет разговорно-просторечных фраз из русского языка (включая различные по характеру и источнику происхождения прецедентные феномены), отдельных элементов суржика, украинского языка, идиша, румынского, болгарского, новогреческого, а также использования в речи различных стилистических эффектов: контаминации, игры стилей (стилевых контрастов), создания комического эффекта как обычной манеры коммуникации вследствие употребления авторских языковых каламбуров и оксюморонов. Отдельно следует выделить случаи (умышленно) нарушения грамматических и фонетических норм русского языка в рамках одного конкретного городского интердиалекта как проявление языковой игры, особой коммуникативной формы бытового общения, способствующей повышению образности и экспрессивности диалогической речи внутри единого городского конгломерата, сотканного из разных национальных групп и этнических сообществ.

Феномен языка Одессы заключается как в его полифонии, так и в том, что он стал и остается неотъемлемой частью не только украинской, но и русской культуры XIX–XXI вв. (в том числе и массовой) и, несомненно, обогащает обе эти культуры, делая их более разнообразными и мозаичными. Именно Одесса и ее «историко-языковой» дискурс демонстрируют взаимосвязь и неразрывность этих культур, «сроднясь в земле, сплетаясь ветвями», как метафорически выразил эту мысль поэт А. Кочетков.

Примечание

¹ Здесь и далее приводятся примеры, зафиксированные нами в ходе полевых исследований в Одессе в 2007–2019 гг.

Список литературы

Ижакевич Г. Русская речь в украинском окружении (лексика) // Культура речи в условиях национально-русского двуязычия: проблемы лексики. М.: Наука, 1985. С. 30–42.

Кузнецова И.В., Савченко А.В., Хмелевский М.С. Киевский суржик как феномен украинской городской разговорной речи (на примере комедии М.П. Старицкого «За двумя зайцами») // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2018. № 2. С. 92–103.

Мечковская Н.Б. Русский язык в Одессе: вчера, сегодня, завтра // *Russian linguistics*. 2006. V. 30, № 2. P. 263–281.

Мокиенко В.М. Наталья Г. Арефьева: Фразеологический словарь русских говоров Одесщины (рецензия на словарь) // *SLAVIA: časopis pro slovanskou filologii*. Praha, 2020. R. 89, s. 3. S. 355.

Смирнов В.П. Большой полутолковый словарь одесского языка. Одесса: Друк, 2003. 485 с.

Смирнов В.П. Одесский язык. Одесса: Полиграф, 2008. 95 с.

Степанов Е.М. Отражение процесса взаимодействия русского и украинского языков в повести Александра Куприна «Олеся» // *Kieleckie Studia Rusycystyczne*. Kielce, 2000. T. 10. S. 139–148.

Степанов Е.М. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 2003. 34 с.

Степанов Є.М. Російське мовлення Одеси / Одеський національний університет ім. ІІ Мечникова. Одеса: Астропринт, 2004. 496 с.

Степанов Є.М. Українські запозичення в лексичі та фразеології російського мовлення Одеси // Одеський лінгвістичний вісник. 2015. Т. 1, № 6. С. 99–104.

Хмелевский М.С. «Языковой портрет» современной Украины – социолингвистический аспект // *Komunikacja specjalistyczna*. 2017. № 13. S. 79–105.

THE LANGUAGE OF MODERN ODESSA AS A PHENOMENON OF URBAN SPEECH (WITH CULTUROLOGICAL COMMENTS)

Aleksandr V. Savchenko

Assistant Professor, the Slavic Languages and Literatures Department
National Chengchi University

Mikhail S. Khmelevskiy

Assistant Professor, the Slavic Philology Department
St. Petersburg University

The language of Odessa is a unique East Slavic world phenomenon, both from a purely linguistic and historical and cultural points of view, which represents an interesting object of philological research. The so-called “language of Odessa” has historically been formed over several centuries and crystallized as a result of close interaction of various ethnic groups living in the same agglomeration, their cultures and linguistic originality. As a consequence, they formed the original Odessa culture, its peculiar atmosphere and a specific urban koine of the million population of this Ukrainian metropolitan area which constitutes an integral part of modern Russian culture.

Keywords: Russian language; Ukrainian language; urban interdialect; urban speech; Odessan vernacular speech; Russian-Ukrainian bilingualism; cross-linguistic interference; language convergence.